

Алексей МОШКОВ

С НИЦШЕ НЕ СПОРЯТ ТЕЛОМ

Павел Крусанов. Совиная тропа: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025. – 384 с.

Крусанов считается певцом «имперского нарратива». И не без оснований. Однако свести все его творчество к этому означало бы серьезно погрешить супротив правды: впасть в грех поверхностности. Павел Крусанов прежде всего писатель традиции трансгрессивной, причем не столько в ее – условно – негативной плоскости (с основой на девиацию – в соответствии с интерпретацией этого термина у Фуко), как, скажем, Доминик Ори, о культовом романе которой Сьюзен Сонтаг писала: «В том образе мира, который представлен в “Истории О”, выход за пределы личности – высшее благо. Сюжет движется не по горизонтали: это как бы подъем через унижение. О не просто приравнивают к сексуальному орудию – она хочет, став вещью, достичь совершенства», – сколько – снова же: условно – позитивной. Такой, которую можно было бы определить как трансценденцию (хотя и нередко в вульгарно-ницшеанской трактовке): подъем не через спуск, но подъем в прямом его смысле. Правда, своим героям, поднявшимся над простыми смертными, он парить на набранной высоте не позволяет, спуская их назад на землю брнную (как, допустим, происходит с Евграфом Мальчиком из «Американской дырки», который получает дар ясновидца, но тут же его теряет, увидев собственное, ослепляющее – в смысле открывшийся третий глаз – будущее). Набранная высота остается лишь за теми, кто следует пути служения России, как понимает это автор, – Российской империи (с чего, собственно, Павел Крусанов и начинал: вспомним «Укус ангела»), возвеличивая ее и губя ее врагов (вот и в выше упоминаемом романе практически фантастическая авантюра Капитана удается на славу).

Но начинается все либо с сознательной, либо нет попытки (и часто успешной: в том же «Яснослышащем» герой вполне справляется с выходом за рамки человеческого, но останавливается, пугаясь того, что не понимает, как управлять той силой, которую обретает) протагониста выйти за границы обыденного, то есть исполнить завет Заратустры. И в своем новом романе Крусанов строго придерживается хорошо отработанной, привычной позиции. Хотя и существенно снижает планку.

На сей раз речи о сверхспособностях не идет. Речь о помощи ближнему (или не очень), но не обычной, а – тайной, то есть такой, чтобы тот, кому помогали, об этом ни сном ни духом. На претворение этого в жизнь главного героя Александра подвигает его приятель – такая посеревшая версия Капитана – Емеля Красоткин (он, кстати, и объявляется протагонистом, но роман диктует свои правила). Путь тайного милосердия зовется «совиной тропой», потому, что, как объясняет Емеля, «у совы бесшумный полет. И еще потому, что у совы нет никакой тропы». Но где же тут ницшеанство? А оно, кроме прямой отсылки к тому, что «К генеалогии морали» уже прочитана, по мысли Павла Крусанова, в следующем: «...скрытое милосердие дает такую настройку чувств, какая редко бывает доступна человеку. В частности, речь о вибрациях, которые ты теперь способен уловить. Уловить – и, как живая мембрана, резонировать им в тон. Например, ощутить вибрацию тайного братства, к которому отныне принадлежишь и сам. Ведь если ты увидел результат собственного дружелюбного, но анонимного вмешательства в чужую жизнь – пусть даже масштабы этого вмешательства, как и его результат, смехотворны, – ты словно бы обретаешь иной взгляд на мир, на людей, на их историю. Многие события и свершения видятся уже как бы в ином свете». То есть исповедующий путь тайного милосердия приобретает а) опыт иного чувствования, недоступного обычному человеку и б) иной ракурс видения мира, что, конечно, с большими натяжками, но можно назвать как опытом трансценденции, так и реализацией ницшеанского концепта сверхчеловека.

Звучит неплохо, однако на практике все происходит не так «звучно». Первым делом «рыцарей тайного милосердия» становится операция по спасению бывшей одноклассницы Емели Кати от диабета, точнее, от предрасположенности к нему, которую у нее обнаружили врачи. Дело в излишнем весе, неумолимо набирающемся ее телом вследствие ее пристрастия к сладкому. Чтобы не дать предрасположенности себя проявить, нужно, чтобы Катя взяла под контроль питание и снизила вес. Но как это сделать? У Емели есть план: надо, чтобы Александр влюбил в себя Катю, а там уже чудодейственная сила любви сделает все сама. План сработал: Катя и влюбилась, и похудела, став красавицей. Только вот сила любви оказалась чрезмерной, перейдя в ненависть (за то, что объект пропал с ее радаров). И такой силы, что Катя даже увела его отца из семьи (об этом герой узнал много позже: дав обещание матери, с отцом он после его ухода не общался). Когда же все вскрылось и состоялось их объяснение, герой заявил, что жить теперь без Кати не может, причем, как выяснилось, и она без него тоже. В общем, почти классический хэппи-энд с чуть имперским оттенком: сделав Кати мальчика и девочку, Александр уезжает воевать на Украину.

Мораль проста: Ницше с его сверхчеловеком (даже замешанном на христианстве) ниспровергаются, утверждается «простое человеческое счастье» и излюбленный автором «имперский нарратив». В целом для Крусанова ничего нового, и вроде бы другого от него и не ждешь. Но проблема в том, что, во-первых, вся история с Катей выглядит крайне неубедительно. Ну не бывает так, чтоб из-за одного поцелуя современная девушка так голову потеряла, что смыслом ее жизни стала месть бывшему возлюбленному, а уж если так случилось и дошло до того, что аж решила в отместку выскочить замуж за его отца, то не могло из-за одного разговора все кардинально поменяться (тем более что ее и отпустило после замужества, и с отцом героя она уже развелась, и за другого замуж вышла). Во-вторых, сама концепция «тайного добра» отдает какой-то секуляризированной юродивостью: у нее нет цели, то есть это не проект, не служение, но блажь и забава. В-третьих, сносить с пьедестала Ницше – все равно, что отменить в петербургском тексте Гоголя: герой Крусанова, наоборот, действует аккуратно в духе его мысли, философствуя телом – отправляясь воевать.

И пафос, и стремление автора ясны: писатель хочет создать простую историю (поэтому и происходит перекалибровка на снижение), которая тронула бы. Но простая история немыслима без дидактики, а там, где на первое место встает мораль, литература как таковая умирает, становясь лишь ее инструментом. Но такого обращения литература с собой не терпит и не прощает, результатом чего и является «Совиная тропа»: и написано то хорошо (тут к Крусанову не придраться), и сюжет не так банален, и мысль наличествует, а на выхлопе – голем: трансцендирующий прозревает не высшую реальность (как в «Мертвом языке»), а ту же, что вокруг него, с тем же репрессивным социальным аппаратом и т.д., в которой он только номер – как герой замятинского «Мы». Выходит что-то в духе «Тридцатой любви Марины» Сорокина. Только страшнее: даже волосы не могут встать дыбом, парализованные ужасом.